

Тэцуо МОТИДЗУКИ

ТЕМА КАЗУИСТИКИ В РОМАНЕ “БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ”

1-1 Казуистика

Казуистика представляет собой методику применения общих принципов к конкретным случаям (казусам) или определения степени правдоподобности отдельных решений в свете общепринятых законов. Возникла при необходимости примирить категорические религиозные и юридические законы с неопределенными в сущности реалиями жизни, казуистика разрабатывала тонкое искусство распределять явления по категориям, диалектически развивать и обобщать принципы, классифицировать различные точки зрения, и, наконец, стала целой наукой в кругах богословов, юристов и других.

Религиозная казуистика особенно была развита в средневековых монашеских орденах, сначала у доминиканцев и францисканцев, а с XVI века у иезуитов. И хотя казуистика, на практике, нередко служила причиной извращения духа законов и циничных оправданий отступлений от норм, она по-своему служила развитию логического мышления Нового времени. Вот почему она вызывала немалый интерес различных мыслителей, начиная с философа И. Канта до современных проповедников теории “fuzziness”.

1-2 Казуистика и Достоевский

Достоевский, так же, как Б.Паскаль и И.Кант, интересовался этой квазинаукой, причем в двух аспектах: прежде всего он считал ее имманентным признаком морального упадка западной цивилизации, в том числе католицизма, и подвергал сомнению. В некоторых очерках современного католицизма, опубликованных в его журнале “Эпоха”, можно найти критические описания иезуитов с их софизмом и циничными нарушениями морали с целью развития ордена (см. ниже). Кстати, это было время народного восстания в Польше и подъема антикатолицизма в России. А в “Преступлении и наказании” слово “казуистика” употребляется три раза (6; 38, 58, 321) в смысле “логики” героя для рационального оправдания его преступления.

Более ярким примером негативного отношения Достоевского к иезуитской казуистике служит его скрытая полемика с К.Д.Кавелиным, где он сравнивал позитивистское мышление оппонента с манерой иезуита, который “лжет, убежденный, что лгать полезно для хорошей цели” (из записной тетради 1880 – 1881. – 27; 85). Кстати, схема критики позитивизма у писателя в основном похожа на антиказуистскую логику Б.Паскаля (особенно в “Письмах к провинциальному”): они вместе исходят из сознания относительности убеждения индивидуального человека и шаткости его рационального суждения, выводят необходимость обращения к Божьему авторитету.

Но в то же время, Достоевский вроде бы видел в казуистике особую систему мышления, истекающую из принципиальной амбивалентности сознания человека, который, при ограниченности своего разума, имеет дело с такими безгранично широкими понятиями, как Бог, истина и т.д. Как будто Достоевский видел в глубине казуистики, этого исторического явления, некоторую традиционность мышления религиозного человека Нового времени. В этом обобщенном смысле казуистика служила одним из основных элементов для развития идей его романов.

Такое двойственное отношение писателя к казуистике можно наблюдать в романе “Братья Карамазовы”.

2-1 Казуисты в “Братьях Карамазовых”

Условно можно сказать, что в романе изображены две группы казуистов: “закаленные” казуисты, которые умеют оправдать любой человеческий поступок, и те, кто в процессе определения своего отношения к миру невольно обращается к казуистской логике. Первую группу представляют Смердяков и Митин адвокат Фетюкович, а вторую – Алеша и Иван.

2-2 Смердяков как иезуит

Казуистский талант Смердякова обнаруживается в сцене “Контраверза” (ч. 1, кн. 3, гл. VII), где он доказывает, что отречение от веры военнопленного (русского солдата, захваченного мусульманами) не является поводом для религиозного наказания. Здесь Смердяков, как “квалифицированный” казуист, четко выделяет из данной ситуации возможные случаи (“если этого похвального солдата подвиг был и очень велик-с”; “...едва только я скажу мучителям: “Нет, я не христианин...”; “А коли я уже не христианин...” и т. д. – 14; 117 – 119) и под каждый из них подводит основание ненаказуемости данного солдата, либо на основе общепринятой морали, либо на основе Божьего учения. На это реагирует Федор: “Ах ты, казуист. Это он был у иезуитов где-нибудь...” (14; 119).

Кроме таланта софистского силлогизма, есть еще некоторое сходство между Смердяковым и историческим образом иезуита: во-первых, преданный брату Ивану, Смердяков по-своему обобщает тезис Ивана (если нет Бога,

то все позволено) и применяет его на практике (совершает отцеубийство). Это напоминает роль иезуитского ордена (папского корпуса) по отношению к Папе римскому, тем более, что идея Ивана об объединении церковной власти со светской, вместе с идейной позицией Великого инквизитора, косвенно характеризуется в романе как католическая. Не случайно Иван называет Смердякова “передовым мясом” (14; 122). Во-вторых, Смердякову принципиально психологическая расчетливость поведения (см., например, расчет похищения Федора и Мити во время “убийства” и использование эпилепсии как *alibi*) и способность играть двойственную роль: смиренного слуги – хитрого убийцы и т. д. Это те же самые негативные моменты, за которые в свое время обличали иезуитов сотрудники журнала Достоевского “Эпоха”¹. В-третьих, Смердяков со временем вырастает из покорного слуги в самостоятельного субъекта, и, наконец, ошеломляет своего вождя (Ивана) умом и дееспособностью. Это опять напоминает сложные отношения между иезуитами и Папой римским, приведшие однажды к ликвидации ордена Климентом XIV.

И упомянутую нами речь из “Контраверзы” можно считать не только обобщением идеи Ивана, но и провокацией Смердякова-иезуита, направленной на Ивана-Папу, поскольку там доказано, что не только без Бога, но и при Боге, даже по логике Божьего учения, все будет позволено.

2-3 Фетюкович – казуист в юридическом мире

Фетюкович – юридический вариант казуиста. Собственно, он проповедник теории неопределенности явлений (во время защиты Мити он высказывает: “В действительности может мелькнуть тысяча вещей, ускользающих от наблюдений самого тонкого романиста” – 15; 162). Вроде бы он хочет сказать, что поскольку невозможно уловить все нюансы явлений, то решения человека относительны, иначе говоря, у всякого решения есть своя доля истины. На этой основе Фетюкович в ходе защиты Мити прибегает к такому софизму: даже если преступление было совершено Митей, то виноват был не он, а убитый отец, который не был настоящим отцом, и, следовательно, не было отцеубийства и т. д. Наконец, он доходит до того, что “нет, он (Митя. – Т.М.) лишь махнул пестом в омерзительном негодовании, не желая убить, не зная, что убьет” (15; 172).

Интересно сравнить его логику со знаменитыми казуистскими репликами, упомянутыми в статье “Иезуиты” “Энциклопедии” Брокгауза-Ефрана: “На вопрос, предложенный убийце: он ли убил такого-то? – совершивший убийство может смело отвечать: нет, подразумевая про себя, что он не посягал на жизнь убитого им человека “до его рождения”; “Позволительно сыну, отвлеченным намерением <...>, желать отцу своему смерти, конечно не как зла для отца, но как добра для себя, ради ожидаемого значительного наследия”² – слог оригинальный, но это цитата. Можно считать, что это тоже – примитивные примеры казуистики и грубые варианты вседозволенности. Оказы-

вается, что идея Ивана уже давно была фактически осуществлена в мире религии и юриспруденции.

Силлогизмы Смердякова и Фетюковича, вместе с фантастическими дебатами Федора, Великого инквизитора и Черта из кошмара Ивана, составляют едкую пародию на казуистику в ее церковных и светских вариантах. Они хорошо доказывают и осведомленность писателя о казуистике, даже большой интерес, и в то же время его критическое отношение к ней.

3-1 Алеша — казуист

Перейдя ко второй группе казуистов, прежде всего интересно заметить, что Алеша, самый наивный из героев, тоже назван в один момент иезуитом. Узнав о проекте Ивана освободить Митю из заключения, Алеша одобряет его, говоря, что ссылка слишком тяжела для неготового к мученичеству и, к тому же, невиновного Мити, который и без этого совершил бы искупление и пережил возрождение. На это Митя реагирует: “Значит, я Алешку моего иезуитом поймал!” (15; 186).

И действительно, кроме такой явно сомнительной логики, вроде бы идущей от излишка доброжелательности, у этого невинного юноши есть желание объяснить все и определить даже неопределимое, что иногда приводит его либо к поспешным заключениям (например, психологический анализ поведения Снегирева-отца), либо к отчаянию от необъяснимости событий. Добавим, что такое наивное отношение к причинно-следственным связям было и в основе казуистики.

В этой связи любопытно, что даже целомудренный старец Зосима был назван “иезуитом” в пьяной тираде Федора (14; 124). Такая безосновательная клевета тоже не лишена смисла, если мы обратим внимание на потенциальную критику по адресу Зосимы за его свободные толкования религиозных норм (например, речь о возможности молиться за покончивших собой), за его слишком открытое общение с людьми, особенно с женщинами и т. д. Надо заметить, что иезуитов в свое время критиковали за распущенность и отступление от норм морали.

Конечно, это все условно, и было бы нелепо считать этих героев исключительно казуистами. Но все же остается впечатление, будто клеймом казуиста-иезуита заклеймены в какой-то степени все основные религиозные герои романа.

3-2 Иван — казуист

Ивана тоже можно считать казуистом, но уже в другом смысле. Его сближает с казуистами не столько методика интерпретации отдельных случаев (хотя он, а-ля казуист, владеет мастерством опровергать общепринятые толкования вещей), сколько позиция миропонимания: он, сопоставляя Божий замысел с человеческим (евклидовым) разумом, отказывается от понимания

первого, как недоступного человеку, и ищет объяснения мировых явлений по логике последнего.

Здесь можно наблюдать далекий отзвук человекоцентрического мышления внутри христианства, начиная от дискуссии Пелагия о преобладании свободной воли человека над Божьей милостью в деле спасения до более позднего "приземления" Божьего замысла в эпоху Возрождения, интеллектуальная основа которого была связана и с иезуитской казуистикой. Немудрено, что действие поэмы "Великий инквизитор" происходит в Испании XVI века, на родине иезуитов, и упоминается лозунг их ордена "Ad majorem gloriam Dei".

Конечно, Иван, интеллектуал XIX века, многим отличается от религиозного казуиста конца средневековья, в том числе и тем, что его интересует не поиск повода для оправдания конкретных казусов на основании Божьих иконос и проведение квази-порядка в мир, а освобождение человека (прежде всего себя самого) от чувства неполноты перед Богом. Бог – это скорее всего его Idee-fix, а не Существо, Которое имеет значение в конкретных отношениях с людьми. Ирония же в том, что он, в отличие от Ф. Ницше, не может отрицать Самого Бога, а может лишь отказаться от примирения с Божиим миром, и тем самым доказывает существование или необходимость Бога, невольно включая Его в свою систему миропонимания. Ивана можно сравнить с ребенком, который нуждается в сильном и правдивом образе отца и в то же время противится ему.

Если бы Иван отрицал Бога вообще, то он бы неизбежно столкнулся не только с проблемой вседозволенности свободного человека, но и с проблемой непосредственной ответственности каждого человека за все мировые явления. Но он не пошел по этому направлению, и Достоевский тоже исключил такой вариант.

В этом смысле самой яркой характеристикой его позиции является следующая реплика Черта (его alter ego и тоже большого знатока иезуитов): "...все дозволено", и шабаш! Все это очень мило: только если захотел мошенничать, зачем бы еще <...> санкция истины? Но уж таков наш русский современный человек: без санкции и смешничать не решится, до того уж истину возлюбил..." (15; 84).

Здесь пародируется современный вариант казуиста, который, несмотря на сознание неразумности и неопределенности мира, все же требует существования чего-нибудь абсолютного для конструкции своей логической идеи.

3-3 Выход

Несмотря на большую разницу в мотивациях, и Алеша, и Иван одинаково занимают казуистскую позицию в процессе истолкования миропорядка. Можно считать, что здесь казуистика трактуется не только как своеобразная квази-логика у богословов и юристов, но и как символ обобщенной характе-

ристики религиозного человека, который собирается прояснить смысл Божьего мира своим ограниченным умом.

Выход из такой ситуации в романе намечается в двух противоположных направлениях: или, по учению Зосимы, соединиться в живой хор прославления Бога и верить Божьему Логосу, превосходящему человеческий силлогизм, или, по тезису Ивана, идти дальше и принимать мир без Бога как пространство вседозволенности и абсурда. Первое предполагает живое общение с Богом и с конкретными людьми, чего как раз не хватает интеллектуалу Нового времени, а второе, собственно, находится за рамками религиозной проблематики веры и неверия (ответ Зосимы на вопрос Ивана: “Если не может решиться положительную, то никогда не решится и в отрицательную” – 14;65). А все позиции между ними, по логике романа, неизбежно являются казуистскими.

Не останавливаясь на этой теме, только заметим: во-первых, даже выбор между этими направлениями, по логике романа, должен делаться не чисто рациональным способом, а какой-то интуицией или прозрением (например, прозрением через сон). И, во-вторых, писателя, в конце концов, не удовлетворяли светские решения вопроса, т. е. система решения вопроса добра и зла по светским законам или контрактам. В этом смысле Достоевский был настоящим религиозным человеком.

4-1 Смысл казуистики

Такая заинтересованность казуистикой у Достоевского вполне естественна, так как сама казуистика – не очередная разновидность толерантности или оппортунизма, более или менее присущих любой религии любого времени, а продукт уникальной ситуации в христианской теологии конца средневековья, когда богословам приходилось примирять гуманистический пафос времени с традиционным богоцентристским мировоззрением. Такой же бицентризм (сосуществование двух центров: Бог и человек) или, точнее, моральное беспокойство из-за такого бицентризма было источником бесконечных вариантов софистских дискуссий казуистов о смысле мира. Исключительно в свое время немецкий филолог Г. Р. Гоккэ, уподобляя казуистику антико-психологическому открытию человека эпохи Возрождения, назвал ее “illusioen-perspectivoe” в моральной сфере или “морально-теологическим антропоморфизмом”³. Иначе говоря, казуистика была предназначена для переосмыслиния Божьего Завета с точки зрения человеческих нужд и устройства очеловеченного варианта картины Божьего мира.

Поскольку подобная двуперспективность была и в глубине философского и художественного мышления самого Достоевского, он мог видеть в казуистике не только странную логику оправдания слабостей человека, но и отражение трудной жизненной ситуации религиозного человека Нового времени, и, следовательно, силную пружину для развития идеи романа.

4-2 К осмыслению языка романа

Рассмотренное в этой работе – не более чем одна из граней моральной проблематики творчества Достоевского. Но даже такой узкий взгляд открывает нам путь к решению более широких проблем, в том числе к проблеме правдивости или правдоподобности языкового творчества с точки зрения автора. Если логика человека вообще является более или менее ограниченным и, следовательно, искаженным отражением закона миропорядка, то нет основания предполагать, что только язык романа свободен от искажения Божьего Логоса. Тема казуистики у писателя должна была быть прежде всего предупреждением самому себе.

С такой точки зрения интересно и важно проанализировать непростое отношение писателя к своим словам и к самому роману, которое частично отражено и в апологетическом тоне предисловия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См: Калошин С. Иезуиты и их уложение // Эпоха. 1864. № 6; Мундт Н. Рим: Современный очерк // Эпоха. 1864. № 8.

² Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгаузом и И.А.Ефроном. СПб. 1894. Т. XIIIа. С. 625.

³ Gustav Rene Hocke. Manierismus in der Literatur, ch. 27 “Kasuistik und Laxismus”. Hamburg, 1959. S. 255.